

Щ-6

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЕВДОКИМОВА, Григория Еремеевича,от 14 декабря 1934 г.

ЕВДОКИМОВ, Григорий Еремеевич, 1884 г.р., б. Семипалатинск. обл., гор. Павлодар, прож. Москва, 3-я Тверск. Ямская д. 29/6 кв. 7, Нач. Гл. Управл. Молочной промышленности системы Наркомпищепрома жена - Исения Васильевна, 48 лет, дети: дочь Анна Григорьевна ТАРАСОВА-ЕВДОКИМОВА - 29 лет, живет в Кузбассе, брат Михаил - 52-х л. живет в Ленинграде, ул. Кр. Зорь д. 28/26 кв. 23, брат ТЕРЕНТИЙ - 46 лет, связь утеряна, сестра Елена - 48 л., живет по адресу брата Михаила. Неимущий. Образование - 3-х классное училище, чл. ВКП/б/ с 1903 г. - перерыв с ХУ партс"езда до июня 1928 г. В Павлодаре 1903-1909 г. В Омске с 1909 по 1913 г. - парт. работы не вел. В Ленинграде с 1913 до Октябрьской революции и дальше до 1926 г. В 1908 г. наход. под следствием по обр. в принадлеж. к РСДРП - 8 мес. В 1915 г. был арестован в Ленинграде и выслан. Бежал из ссылки, вторично арестован и выслан, вернулся после Февральской революции.

-:-:-:-

ВОПРОС : Следствие располагает данными о том, что Вы являетесь членом центра к/р. организации б. зиновьевско-троцкистского блока, поддерживавшего связи с нелегальной к/р. организацией в Ленинграде! Что Вы можете показать по этому делу?

ОТВЕТ: Я лично не вел работы в направлении поддержания к/р. анти-партийных настроений вне узкого круга лиц, с которыми я встречался - ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, БАКАЕВ, ГЕРТИК, ФЕДОРОВ, ШАРОВ, КУКЛИН, КОСТИНА, ГЕССЕН, ГОРШЕНИН, КОЖУРО, САФАРОВ, ШАЦКИН.

С этими лицами у меня были разговоры по тем или иным очередным решениям партии. Оценка решений партии и наше отношение к партруководству находились в прямой зависимости от положения в стране. Наши критические настроения усиливались при хоз-эконом. затруднениях в стране и по мере преодоления партией этих затруднений - сглаживались.

В качестве иллюстрации к изложенному можно привести наши настроения в 1932 г. В то время ко мне обратился САФАРОВ с просьбой свести его с ЗИНОВЬЕВЫМ для переговоров о затруд-

- 2 -

нениях, переживаемых страной. САФАРОВ ставил вопрос о том, как должны реагировать на затруднения, происходящие в стране, члены партии, считающие, что в данной обстановке Центральн. Комит. Партии не принимает необходимых мер для преодоления затруднений.

Говорили мы с САФАРОВЫМ /и это было общим настроением для перечисленных выше лиц/ о том, что главным препятствием для преодоления затруднения является недостаточная внутрипартийная демократия, что в партии установлен режим, не дающий возможности поставить на обсуждение всей партии вопросы о положении в стране с полнотой, гарантирующей максимальную мобилизацию сил партии на преодоление затруднений. По существу мы ставили в вину ЦК Партии то, что он не полностью информирует партию о истинном положении в стране.

В разговорах моих с САФАРОВЫМ, ЗИНОВЬЕВЫМ, БАКАЕВЫМ /не помню говорил ли с кем-либо еще/ ставился вопрос о подаче заявления в Центральный Комитет партии о положении в стране и мероприятиях, которые мы считаем необходимыми. При обсуждении этих "необходимых мероприятий" мы не находили ничего, кроме дискуссии в партии. Высылка ЗИНОВЬЕВА, в связи с РЮТИНСКИМ делом, положила конец всем этим разговорам.

Вспоминаю, что в 1929 г., когда я был в Ленинграде, Борис КУШНЕР, на квартире у М.НАТАНСОН предлагал блок с правыми, на основе создания "Ленинского Политбюро"; т.е. возвращения в Политбюро РЫКОВА, БУХАРИНА, ТОМСКОГО, ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. Этот блок я тогда резко осудил.

К вопросу о "Ленинском Политбюро" мы в разговорах с ЗИНОВЬЕВЫМ, БАКАЕВЫМ и др. возвращались в последующие годы несколько раз по различным поводам. Так, например, в 1932 г. в разговоре моем с САФАРОВЫМ, последний ставил этот вопрос,

как один из возможных путей установления соответствующего руководства в партии. После разговора со мной, САФАРОВ говорил с ЗИНОВЬЕВЫМ на даче последнего. Не знаю-ставил-ли САФАРОВ перед ним вопрос о "Ленинском Политбюро", но после этого ЗИНОВЬЕВ мне сказал, что отношение к нему САФАРОВА в корне изменилось, что оно сейчас такое-же, каким было до расхождения с ним.

В нашей среде подхватывались всякие слухи о малейшем намеке на наличие разногласий в Политбюро ЦК, причем всегда с этим связывались надежды на углубление этих разногласий, на то, что эти разногласия станут предметом партийного, более или менее широкого, обсуждения, что мы в таком случае сможем активно выступить, добиваясь изменения партруководства. Такие слухи о разногласиях среди членов Политбюро распространялись между нами и в 1934 г., но в этом году это уже не связывалось с какими-то перспективами возможности изменения руководства.

Я лично всегда относился к идее образования "Ленинского Политбюро" отрицательно, считая, во-первых, беспринципные разговоры о персональном составе Политбюро, без учета наших принципиальных разногласий с правыми, которые гораздо более глубоки, чем то, что в тот или иной момент заставляло нас критически относиться к линии партии. Во-вторых, самую надежду на изменение партруководства я считал ни на чем не основанной. К слухам о разногласиях в Политбюро я относился скептически. Самое большое, что я считал для нас возможным - подачу заявления в ЦК с нашей оценкой положения в стране.

В период наших переговоров с САФАРОВЫМ о подаче заявления в ЦК, в 32 г., ко мне обратился с вопросом ШАЦКИН - существует-ли у нас центр. В утвердительном случае он предлагал

- 4 -

установить взаимную информационную связь. По его словам, у них оформленного центра не было, но он просил сообщить ему, если у нас будет вынесено какое-либо решение по поводу подачи заявления в ЦК. Я ответил ШАЦКИНУ, что центра у нас нет и заявил, что даже заикаться об этом - вещь весьма опасная. От взаимной информации я категорически отказался. Какую организацию или группу представлял ШАЦКИН для меня осталось невыясненным и по сегодняшний день. Помню разговоры в нашей среде в начале 33 г. об обезличении таких руководящих функций, как пост председателя ВЦСПС и пост председателя Коминтерна. Это расценивалось нами, как стремление предотвратить возможность образований вокруг лиц, возглавляющих эти организации, сильных, влиятельных коллегий, как стремление подчинить все отрасли руководства исключительно Политбюро, в частности, тов. СТАЛИНУ.

По линии Коминтерна ЗИНОВЬЕВ считал, что руководство Коминтерна в лице МАНУИЛЬСКОГО, ПЯТНИЦКОГО и др. не на высоте положения и что, благодаря этому - крупнейшие братские компартии Запада, напр., Германская компартия, в наиболее ответственные моменты не имели твердых директив, соответствовавших положению вещей.

Тезисы т. КАГАНОВИЧА к ХУП партс"езду по оргвопросу были оценены положительно ЗИНОВЬЕВЫМ и мною. Отрицательно относились к ним ГЕРТИК и ГОРШЕНИН. Они спорили, что упразднение ЦКК противоречит всему тому, что писал и говорил по этому поводу ЛЕНИН.

ВОПРОС: Что Вы можете сказать о политических настроениях отдельных лиц из перечисленного Вами окружения ЗИНОВЬЕВА?

ОТВЕТ: Наиболее лояльно настроенными по отношению к политике пар-

- 5 -

тии и партийному руководству, по моему мнению, были ШАРОВ, КУКЛИН, ФЕДОРОВ. Из этих трех лиц лояльнее всех был ФЕДОРОВ. После исключения КОСТИНОЙ из партии за антипартийные выступления в 32 г. у нее в настроениях, когда она поработала на производстве и была восстановлена в партии, произошел резкий перелом, она стала отрицательно относиться ко всяким антипартийным разговорам. Настроения остальных лиц характеризуются изложенными выше моими показаниями.

ВОПРОС: Когда и на каких собраниях зиновьевцев Вы принимали участие?

ОТВЕТ: На собрании, которое было намечено организованным порядком по предварительно поставленному вопросу - я был только один раз, на квартире БАКАЕВА, в 1932 г. Мы обсуждали вопрос, как реагировать на исключение из партии ЗИНОВЬЕВА. В связи с этим, было предварительное совещание на квартире ГОРШЕНИНА: Собрались у ГОРШЕНИНА - я, ГОРШЕНИН, КОЖУРО, БАКАЕВ - был-ли еще кто-либо - не помню. Здесь мы обсуждали вопрос, как вести себя на партийных собраниях, посвященных делу РЮТИНА и комп., в связи с исключением ЗИНОВЬЕВА из партии. На совещании у БАКАЕВА обсуждался тот же вопрос. Присутствовали БАКАЕВ, КОСТИНА, я, ШАРОВ, ГЕРТИК. Решили не выступать в защиту ЗИНОВЬЕВА, признавая, что он совершил опять большую ошибку, что оправдать это нельзя и что такие наши выступления осложняют положение самого ЗИНОВЬЕВА, т.к. это будет истолковано, что мы выступаем с ведома самого ЗИНОВЬЕВА.

Протокол прочитан. Записано с моих слов верно

ЕВДОКИМОВ.

Сур. *св.*

ДОПРОСИЛ - РУТКОВСКИЙ.

Ведно: № 1